

И. Н. Смирнова

Судьба домовых храмов Петрограда в 1918–1922 гг. (по материалам документов ЦГАЛИ СПб)

DOI:

Аннотация: После издания 20 января (2 февраля) 1918 г. декрета СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», в стране впервые остро встал вопрос о дальнейшей судьбе церковного имущества. Юридически действие декрета распространялось только на приходские церкви, но в Петрограде на тот момент насчитывалось более 500 храмов, чуть менее половины из которых относилось к домовым. В августе 1918 г. была издана расширенная инструкция к декрету, распространившая его действие и на домовые церкви, отдельным пунктом оговаривавшая, что «храмы и молитвенные дома, имеющие историческое, художественное и археологическое значение, передаются с соблюдением особой инструкции, выработанной Музейным Отделом Народного Комиссариата Просвещения».

Это положение обусловило формирование комплекса архивных материалов по обследованию и дальнейшему изъятию ценностей из ряда домовых храмов Петрограда, судьба которых практически не затронута в отечественной историографии. Материалы хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб): это фонд № 36 – «Государственный музейный фонд Ленинградского отделения Главнауки Наркомпроса РСФСР», и фонд № 29 «Отдела имущества Республики народного комиссара просвещения по Петрограду».

Исследование этих ранее не публиковавшихся архивных документов (в частности, описей церковного имущества, находившегося в храмах особняков и дворцов города) позволяет сформировать представление о том, как и кем велось изучение имущества домовых храмов и отбор ценностей для их дальнейшей передачи в музейные фонды.

Ключевые слова: домовые храмы, Музейный фонд, охрана памятников, Петроградская художественно-историческая комиссия, ЦГАЛИ СПб, отделение Церкви от государства.

Об авторе: **Ирина Николаевна Смирнова**

Младший научный сотрудник Института Истории Санкт-Петербургского Государственного Университета.

E-mail: i.nsmirnova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4455-5094>

Ссылка на статью: Смирнова И. Н. Судьба домовых храмов Петрограда в 1918–1922 гг. (по материалам документов ЦГАЛИ СПб) // Христианское чтение. 2021. № 4. С. 464–471.

Финансирование: исследование выполнено по гранту Российского научного фонда № 21-48-04402: «Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4

2021

Irina N. Smirnova

The Fate of the House Churches of Petrograd in 1918–1922 (Based on Documents from TSGALI SPb Archive)

DOI:

Abstract: After the publication on January 20 (February 2), 1918, of the Council of People's Commissars decree "On freedom of conscience, church and religious societies," the question of the further fate of church property arose for the first time in the country. Legally, the decree applied only to parish churches, but at that time there were more than 500 churches in Petrograd, slightly less than half of which belonged to private houses. In August 1918, an expanded instruction to the decree was issued, which extended its effect to house churches, stipulating in a separate paragraph that "churches and houses of worship of historical, artistic and archaeological significance are transferred in compliance with a special instruction developed by the Museum Department of the People's Commissariat for Enlightenment".

These documents led to the formation of a complex of archival materials about the examination and removal of the confiscation of valuables from many house churches in Petrograd, which are not considered in Russian historiography. The materials are stored in the Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TSGALI SPb). These are collections no. 36 – "The State Museum Fund of the Leningrad Branch of the Main Science of the People's Commissariat for Education of the RSFSR", and no. 29 "The Department of Property of the People's Commissar of Education in Petrograd".

The study of these unpublished archival documents (in particular, inventories of church property from the churches of mansions and palaces of the city) allows researchers to represent how and by whom the property of house churches was studied and selected for its further transfer to museum collection.

Keywords: house churches, Museum Fund, protection of cultural heritage, Petrograd Artistic and Historical Commission, Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TSGALI SPb), the separation of Church and State.

About the author: **Irina Nikolaevna Smirnova**

Junior Researcher, Saint Petersburg State University, Institute of History.

E-mail: i.nsmirnova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4455-5094>

Article link: Smirnova I. N. The Fate of the House Churches of Petrograd in 1918–1922 (Based on Documents from TSGALI SPb Archive). *Khristianskoye Chteniye*, 2021, no. 4, pp. 464–471.

Financing: The research was carried out with the financial assistance of the Russian Science Foundation, project No. 21-48-04402.

Декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах, 1957, 373–374), принятый 20 января (2 февраля) 1918 г., определил статус Православной Церкви в Советской России на десятилетия вперед, объявив находящееся в ее распоряжении имущество «народным достоянием». Помимо обширных земельных владений (к началу XX в. Православная Церковь была одним из крупнейших земельных собственников в России), Церковь обладала внушительным количеством недвижимости, а также художественно-исторических артефактов, сосредоточенных в храмах.

С одной стороны, работа по составлению описей и организации охраны принадлежавших Церкви культурных ценностей велась в Петрограде еще до принятия декрета; с другой, до масштабной кампании по их изъятию, начавшейся в 1922 г., оставалось еще несколько лет.

Деятельность по сохранению таких ценностей, выпавшая на период с 1918 по 1922 г., практически не отражена в отечественной историографии, вместе с тем в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) находится несколько фондов, содержащих документы по ее организации в Петрограде. В первую очередь, это фонд № 36 — «Государственный музейный фонд Ленинградского отделения Главнауки Наркомпроса РСФСР» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 36), а также фонд № 29 «Отдела имущества Республики народного комиссара просвещения по Петрограду» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 29).

Начало фонду № 36 положили документы Петроградской художественно-исторической комиссии, которая была создана по поручению Временного правительства в июле 1917 г. В ее задачи изначально входила опись художественных ценностей Зимнего дворца и подготовка их к эвакуации. В январе 1918 г. организация вошла в состав отдела имущества Наркомпроса РСФСР. С этого времени комиссия занималась постановкой на учет артефактов, значимых с художественной точки зрения, из национализированных дворцов, особняков и оставленных владельцами частных квартир.

Фонд № 29 хранит приказы и циркуляры Наркомпроса РСФСР и Комиссариата имущества Республики о ликвидации Министерства двора, отчеты и обзоры деятельности Комиссариата и Отдела имущества Республики (1917–1920), постановления и переписку о национализации городских и пригородных дворцов, парков, особняков, музеев; об организации и деятельности Комиссии по приемке, оценке, учету и охране художественно-исторических ценностей.

Каждый из фондов содержит обширное количество документов: только в первой описи фонда № 36 насчитывается порядка 500 дел, содержащих в среднем по 100–150 листов. В основном они включают в себя информацию о работе постоянно преобразовывавшихся комиссий в период с 1917 по 1929 г., в задачи которых входила охрана зданий и памятников Петрограда, описание художественных коллекций и передача наиболее ценных из них в новообразовавшиеся музеи.

При работе с документами, относящимися к периоду после января 1918 г., прослеживается общая тенденция: практически в каждом из дел встречается информация о храмах Петрограда. Сведения имеют различный характер: здесь содержатся как описи храмового имущества, так и данные о перевозках наиболее ценных предметов, протоколы заседаний комиссий с обсуждением вопросов о судьбе той или иной церкви, отчеты об организации их охраны. На фоне реализации антицерковных постановлений нового Советского правительства не удивительно, что вопрос об охране церковного имущества стоял очень остро. Согласно последнему опубликованному «Обзору деятельности Ведомства Православного исповедания за 1915 г.» в Петроградской епархии насчитывалось 790 церквей [Шкаровский, 1995, 16]. С художественно-исторической точки зрения убранство большей их части представляло особую ценность. Необходимо подчеркнуть, что во всем обилии указанных материалов основную долю занимают дела, затрагивающие судьбу домовых храмов (а не приходских, что на первый взгляд могло бы показаться более логичным).

Это, конечно же, нельзя назвать случайностью. Только в Петрограде в тот период находилось порядка 194 «домовых и при казенных заведениях храмов» [Шкаровский, 1995, 16]. В условиях антирелигиозной кампании, развернувшейся в 1918 г., такое количество «зданий, предназначенных для богослужебных целей», не могло не обратиться на себя пристального внимания властей.

Тема судьбы домовых храмов разных городов нашей стороны в первые годы советской власти в целом мало раскрыта в отечественной историографии (необходимо отметить, что в основном присутствуют исследования по отдельным домовым храмам, зачастую — университетским). Выделим лишь два серьезных исследования, в которых авторы взглянули на проблему шире: работу Т. Н. Игнатович «Домовые церкви Москвы и богоборческая деятельность большевиков в годы Советской власти. 1917 — вторая половина 1930-х гг.» [Игнатович], и статью В. Ю. Гессена «К истории преследования религии в Петрограде-Ленинграде в 1918–1929 гг.» [Гессен, 2015]. Статья Т. Н. Игнатович уникальна тем, что это первое исследование на подобную тематику, автор дает общее представление о том, каким образом шло закрытие именно домовых храмов Москвы в указанный период. В. Ю. Гессен восстановил хронологию закрытия храмов всех конфессий Петрограда в период с 1917 по 1930-е гг., взяв за основу уже упоминавшийся фонд № 36 ЦГАЛИ СПб (ЦГАЛИ СПб. Ф. 36). В статье также приводится список ряда закрытых домовых храмов Петрограда, однако детализация того, каким образом велась работа по изъятию ценностей из указанных храмов, в статье отсутствует.

Для понимания всех сложностей, связанных с ликвидацией домовых храмов, ставшей целью новой власти после принятия соответствующего декрета, необходимо разобраться, в чем состояла их главная особенность. Так называемые домовые церкви — храмы, обустроенные при государственных учреждениях, больницах, учебных заведениях и частных домах, являлись собственностью того учреждения, при котором они находились, либо собственностью частного лица. К домовым храмам относились также и дворцовые церкви. Черты бывших домовых храмов по сей день угадываются в архитектуре ряда исторических зданий Санкт-Петербурга.

Январский декрет СНК «О свободе совести» должен был распространяться на все храмы, но уже в первые месяцы после его издания стало понятно, что с юридической точки зрения домовые храмы под действие документа не попадали, именно по причине того, что они юридически не принадлежали Церкви. Т. Н. Игнатович, рассматривая аналогичную ситуацию на примере Москвы, отмечает: «Главным упущением составителей Декрета было то, что он делал зависимыми от властей только приходские храмы. Церкви, в которых не было приходов, ни контролировать, ни тем более закрывать на основании Декрета было невозможно» [Игнатович]. Вместе с тем «именно домовые церкви, небольшие, нередко небогатые, часто известные только обитателям нескольких соседних домов... было сравнительно легко ликвидировать и получить приличную отчетность» [Игнатович].

Необходимость внесения корректировок в декрет стала очевидна практически сразу. 8 мая 1918 г. вышло постановление СНК, содержащее следующую норму: «Проведение в жизнь закона об отделении церкви от государства поручить особому отделу при Комиссариате Юстиции, которому должна незамедлительно сдать свои дела междуведомственная комиссия, существующая в настоящее время для этой же цели». Таким образом был организован восьмой отдел Наркомюста, также называвшийся «ликвидационным», под руководством юриста П. А. Красикова [Соколов, 2014, 745–746].

К августу 1918 г. «ликвидационный» отдел подготовил несколько уточняющих документов: «Циркуляр о домовых церквах при учебных заведениях» от 22 августа 1918 г. (Циркуляр о домовых церквах при учебных заведениях, 2018, 584), согласно которому здания, занятые домовыми храмами в учебных заведениях, подвергались изъятию, все церковное имущество — ликвидации при участии особых комиссий в составе «одного представителя от местного совдепа, его исполкома, одного представителя

от отдела народного образования того же совдепа и одного от учебного заведения, в ведении коего состоит предназначенное к ликвидации церковное имущество» (Циркуляр о домовых церквях при учебных заведениях, 2018, 584).

Спустя два дня, 24 августа 1918 г., был издан еще один важный документ, совпавший с началом полномасштабной антицерковной политики (и одновременно с началом «красного террора») — постановление Наркомюста «О порядке проведения в жизнь декрета „Об отделении церкви от государства и школы от церкви“ (Инструкция)». Постановление дополняло декрет от 22 января, конкретизируя, что под его действие подходят церкви всех исповеданий, а также все иные частные религиозные общества. Вопрос о церковном имуществе был вынесен в отдельный блок постановления. Особым пунктом оговаривалось, что «Храмы и молитвенные дома, имеющие историческое, художественное и археологическое значение, передаются с соблюдением особой инструкции, выработанной Музейным Отделом Народного Комиссариата Просвещения» (О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция), 1942, 849–858).

Инструкция Музейного отдела была издана только 5 октября 1918 г. и в вопросе приемки храмового имущества повторяла положения циркуляра Наркомпроса от 22 августа. Согласно ей, комиссия должна была распределять ценности по трем категориям: 1 — предметы, подлежащие передаче общине верующих; 2 — выделение предметов, подлежащих передаче в национальный фонд; 3 — выделение предметов для передачи в государственное казначейство. Все решения, связанные с определением ценности предметов, их перевозкой в хранилища, оставались исключительно в ведении Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса, а точнее — ее представительств на местах (Инструкция коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса, 2018, 585–587).

Еще до принятия инструкции, в период разработки и принятия поправок к декрету, в августе 1918 г., в Петрограде работу по описанию и дальнейшей охране художественно-исторического наследия вел Отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины (далее — Отдел), состоявший в ведении Комиссариата народного просвещения. Отдел появился в результате расширения Петроградской художественно-исторической комиссии Зимнего дворца, созданной еще Временным правительством в июле 1917 г. Изначально именно этот орган обследовал особняки и дворцы города с целью принятия находящегося в них имущества под охрану, и именно благодаря его работе большинство коллекций города удалось сохранить в непростые дни октября 1917 г. [Смирнова, 2020]. Согласно отчету Отдела, деятельность комиссии разрослась «под влиянием с одной стороны опасности, угрожавшей художественному достоянию России под влиянием бурных политических событий, а с другой стороны в виду расширения государственного надзора за частным имуществом, особого художественного и исторического значения, имеющего в конечной цели наиболее ценного художественного достояния обращение его в государственную собственность» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 1 об.).

К ноябрю 1918 г., после ряда переименований и пересмотра организации работы, Отдел приобрел окончательную структуру, которая на несколько лет вперед определила основные направления его деятельности. Было создано пять секций:

1. Архитектуры и церквей;
2. Живописи, скульптуры и прикладного искусства;
3. Библиотек и архивов;
4. Охраны и регистрации имущества в национализированных домах;
5. Охраны памятников вне Петрограда (Иногородняя) (ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 17).

Вопросы изучения церковного наследия и зодчества курировала архитектурная секция, изначально находившаяся под руководством архитектора В. В. Суслова (ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 17). К 1921 г. в ее состав, помимо руководителя,

входили семь сотрудников, один смотритель и один секретарь-делопроизводитель (ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397б. Л. 17 об.).

Порядок работы секции выглядел следующим образом: изначально ее члены определяли список объектов, могущих представлять интерес в художественно-историческом отношении. Затем за каждым из сотрудников закреплялся «свой» объект и совершался выезд на место. При осмотре изучались все иконы, предметы и библиотеки, храмовое имущество, производились фотографические съемки, составлялась опись ценностей, находившихся в зданиях. Затем определялось, какие предметы подлежат изъятию для их дальнейшей передачи в музейные хранилища. В храмах, представляющих наибольшую ценность, устанавливалась охрана. После сотрудники производили ряд изъятий художественных вещей из дворцов, особняков и квартир, занимаемых теми или иными организациями и учреждениями (ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 15–16). Предметы поступали на склады, оттуда их распределяли по художественным хранилищам, создаваемым музеям и другим учреждениям культурно-просветительского значения [Гессен, 2015, 88].

Согласно отчетам секции, «особую задачу для Комиссии выдвинул декрет о ликвидации домовых церквей» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 3). Все сведения вносились в особые регистрационные листы, производилась опись имущества, была выработана инструкция по охране. Из храмов, подлежащих ликвидации, все художественные предметы было предписано вывезти в особые хранилища, располагавшиеся в других церквях (ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 15–16).

Вопрос о необходимости изучения и охраны домовых церквей регулярно появляется на страницах журналов и отчетов Отдела. Из отчетов видно, что всего неделю спустя после образования секции глава Отдела Георгий Степанович Ятманов торопил ее сотрудников, дабы «как можно быстрее определить окончательно художественно-историческую ценность церквей в рамках их дальнейшей ликвидации» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 37. Л. 2). Несмотря на эти требования, некоторые из храмов осматривали по нескольку раз, прежде чем вынести какой-либо итог об их дальнейшей судьбе.

К январю 1919 г. Археологической секцией Отдела было осмотрено 87 церквей, 21 из них принята под охрану, 50 признаны «не имеющими особого художественно-исторического значения». Оставалось осмотреть еще 80 церквей (ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 15–16).

Среди осмотренных храмов были такие, как церковь Петроградского университета, Малая и Большая церкви при Инженерном замке, церковь при Академии наук, домовая церковь Константиновского училища, церковь Морского корпуса, Александровской гимназии и другие. Девять храмов были приняты под охрану. Для хранения вывозимых предметов была выбрана церковь в доме Шереметева, также рассматривался вариант хранения ценностей в храме Академии художеств, планировалось в будущем организовать там соответствующий музей (ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 15–16).

В отчетах Отдела от весны 1919 г., подготовленных для наркома просвещения А. В. Луначарского, указано, что к тому моменту было осмотрено и сфотографировано уже свыше 125 домовых храмов, 30 из них взяты под охрану. В 13 поставлена охрана от Отдела, учреждена должность смотрителя для наблюдения за охраной (ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 17).

К концу 1920 г. специалисты Отдела провели осмотр уже 200 храмов (т. е. практически всех), по плану на 1921 г. намечалось провести 300 регулярных осмотров. С 1922 г. на страницах стенограмм заседаний Отдела появляется информация об отправке реквизированных церковных предметов в другие города для пополнения музейных коллекций. Так, например, в июле 1922 г. на заседании Отдела было принято решение о передачи части икон из хранилищ отдела в музей Воронежского университета, тогда же церковные ценности из складов Отдела при Шереметевском дворце были перевезены в Эрмитаж [Гессен, 2015, 86].

Планомерные работы по обследованию и постановке на учет домовых храмов Петрограда прервал декрет от 23 февраля 1922 г. «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» (О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих, 1950, 381–382). Декрет, официально принятый в рамках борьбы с голодом в Поволжье, ставил своей истинной целью нанести окончательный удар по уже ослабленной Православной Церкви. На его основании «богослужбное имущество», ранее национализированное и переданное группам верующих в соответствии с инструкцией от 24 августа 1918 г., подлежало передаче в фонд Центральной комиссии помощи голодающим.

Духовенство было отстранено от участия в мероприятиях по определению культурной значимости конкретных предметов, представители же музеев, наоборот, как и в 1918 г., были обязаны присутствовать при изъятии церковных ценностей, что было четко изложено в ряде инструкций ЦК Помгола. Несмотря на это, присутствие членов Главмузея при изъятиях не могло гарантировать сохранения всех значимых артефактов. Сотрудники Главмузея сталкивались со все большим количеством трудностей по мере «увеличения размахов и темпов операции» [Крапивин, 2016, 33–36].

Большинство исследований, посвященных имущественным взаимоотношениям Церкви и советского государства, по хронологии берут свое начало именно с этого периода. Трагические для Церкви события 20-х гг. XX в. очевидным образом привлекли большое внимание историков, оставив в тени период с 1917 по 1922 гг. Однако именно в этот период была проделана большая работа по описанию и сохранению наиболее ценных с художественной точки зрения церквей, сотрудникам архитектурной секции Отдела удалось переместить на хранение в музеи Петрограда и на склады Музейного фонда основные произведения церковного искусства. Это позволяет сделать предположение, что работа охранительных органов, проводившаяся до 1922 г., спасла ряд произведений церковного искусства от дальнейшей продажи или переплавки. Фотографирование большинства домовых храмов Петрограда, осуществленное сотрудниками секции, сегодня дает нам возможность представить, как выглядели эти храмы. Наиболее ценно это в отношении домовых церквей, так как именно они, по своей сути, были закрыты от посторонних глаз.

В последние годы после долгой реставрации в Санкт-Петербурге открывается все больше домовых храмов (церкви Шереметевского, Юсуповского, и Екатерининского дворцов, храм в Адмиралтействе и другие). Имеющийся объем малоизученных архивных материалов, хранящихся в ЦГАЛИ СПб и проливающих свет на судьбу домовых храмов в годы Гражданской войны, дает возможность предположить, что в будущем эти документы смогут послужить восстановлению и реставрации других домовых храмов города.

Источники и литература

Источники

1. ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 29; Ф. 36. Оп. 1. Д. 6, Д. 37, Д. 397, Д. 397 б.
2. Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах (1957) — Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 373–374.
3. Инструкция коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса (2018) — Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. Т. 1: в 4 кн.: 1917–1924 гг. Кн. 3: Народные комиссариаты

СНК РСФСР (1917–1924) и СНК СССР (1922–1924): проведение в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». М., 2018. С. 585–587.

4. О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих (1950) — О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. М., 1950. С. 381–382.

5. О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция) (1942) — О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция) // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 849–858.

6. Циркуляр о домовых церквях при учебных заведениях (2018) — Циркуляр о домовых церквях при учебных заведениях // Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. Т. 1: в 4 кн.: 1917–1924 гг. Кн. 3: Народные комиссариаты СНК РСФСР (1917–1924) и СНК СССР (1922–1924): проведение в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». М., 2018. С. 584.

Литература

7. Гессен (2015) — *Гессен В. Ю.* К истории преследования религии в Петрограде-Ленинграде в 1918–1929 гг. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 83–109.

8. Игнатович — *Игнатович Т. Н.* Домовые церкви Москвы и богоборческая деятельность большевиков в годы Советской власти. 1917 — вторая половина 1930-х гг. URL: <https://www.vestarchive.ru/kraevedenie/2063-domovye-cerkvi-moskvy-i-bogoborcheskaia-deiatelnost-bolshevikov-v-gody-sovetskoi-vlasti-1917-vtor.pdf> (дата обращения: 01.09.2021).

9. Крапивин (2016) — *Крапивин М. Ю.* Главмузей и изъятие церковных ценностей в Советской России (весна-лето 1922 года) // Вопросы музеологии. 2016. № 1 (13). С. 32–51.

10. Смирнова (2020) — *Смирнова И. Н.* Петроградская художественно-историческая комиссия и эвакуация ценностей Зимнего дворца в 1917 году // Клио. 2020. № 9. С. 156–161.

11. Соколов (2014) — *Соколов А. В.* Государство и православная церковь в России, февраль 1917 — январь 1918 гг.: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2014.

12. Шкаровский (1995) — *Шкаровский М. В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917–1945. СПб.: Лики России, 1995.